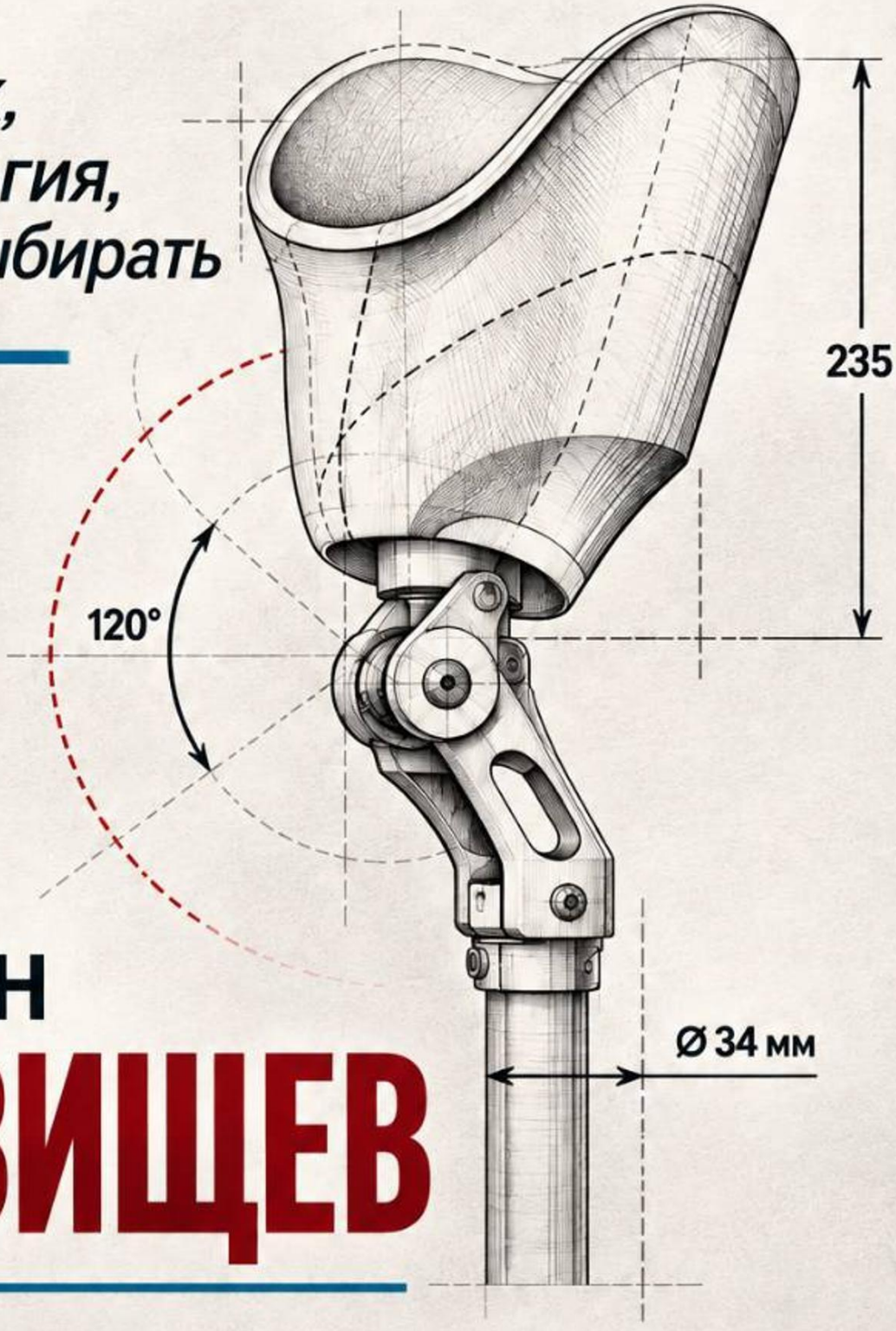
ЗА КАДРОМ ПРОТЕЗИРОВАНИЯ

Человек, технология, право выбирать



Роман САВИЩЕВ

Роман Савищев

За Кадром Протезирования. Человек, технология, право выбирать

«Автор»
2026

Савищев Р.

За Кадром Протезирования. Человек, технология, право выбирать / Р. Савищев — «Автор», 2026

Когда говорят о протезах, обычно показывают эффектный момент: первые шаги, точное движение, необычную технологию. Почти никогда — то, что было до него и что начинается после.Как понять, какой протез действительно подходит? Почему гильза иногда важнее электроники? Кто отвечает за примерку, ремонт и обучение? И как разобраться в российской системе получения технических средств реабилитации?Я рассказываю о людях, которые создают и используют протезы, о меняющемся теле, о близких, которым тоже приходится учиться, и о повседневности без героических лозунгов. Здесь нет обещаний «вернуться к прежней жизни» и универсальных рецептов. Есть вопросы, которые помогут лучше подготовиться к разговору со специалистами, и уважение к любому выбору — в том числе жить без протеза.При подготовке книги использовались современные цифровые инструменты, помогавшие структурировать материал, уточнять формулировки и делать сложные темы доступнее для читателя.

© Савищев Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Об этой книге 6
Дисклеймер 7
Пролог. Перед первой примеркой 8
Часть первая. Человек, а не диагноз 12
Не вернуть прежнего себя 16
Выбор без идеального ответа 20
Первый год и его сроки 24
Часть вторая. Те, кто создают и сопровождают 28
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Роман Савищев
За Кадром Протезирования. Человек, технология, право выбирать

Протез часто показывают в момент, когда он делает что-то впечатляющее. Гораздо реже рассказывают о том, что находится до и после этого момента: как человек и специалисты выбирают решение, почему первая примерка не бывает финалом, как меняется обычный день и какие слова помогают или мешают в разговоре о протезировании. Книга соединяет понятные объяснения техники, работу медицинской и инженерной команды, вопрос самостоятельности и российский маршрут получения технических средств реабилитации. В центре внимания человек, чьи цели не помещаются в рекламный ролик, и право этого человека решать самому.

Об этой книге

Протез часто показывают в момент, когда он делает что-то впечатляющее. Гораздо реже рассказывают о том, что находится до и после этого момента: как человек и специалисты выбирают решение, почему первая примерка не бывает финалом, как меняется обычный день и какие слова помогают или мешают в разговоре о протезировании. Книга соединяет понятные объяснения техники, работу медицинской и инженерной команды, вопрос самостоятельности и российский маршрут получения технических средств реабилитации. В центре внимания человек, чьи цели не помещаются в рекламный ролик, и право этого человека решать самому.

Дисклеймер

Книга носит информационно-просветительский характер и предназначена для общего понимания опыта протезирования. Она не заменяет консультацию врача, протезиста-ортезиста, специалиста по реабилитации или психолога и не служит инструкцией по подбору, настройке либо лечению. Индивидуальные медицинские и реабилитационные решения принимаются вместе с профильными специалистами.

Истории в книге собраны из повседневного: разговоров, коридоров, вечеров, поездок, чужих рассказов. Имен в тексте нет, потому что важно не кто, а как это устроено, и собирательные сцены не описывают конкретного человека. Сведения о технике, о медицинской стороне и о порядке обеспечения техническими средствами реабилитации сверялись с открытыми источниками на дату работы над рукописью. Правила и порядок получения средств в России меняются, поэтому приведенное здесь нужно проверять по действующим документам на момент чтения.

Пролог. Перед первой примеркой

В коридоре поликлиники часы над дверью кабинета показывают двадцать минут десятого. Человек сидит на пластиковом стуле у стены, и на коленях у него лежит картонная папка с бумагами. Сверху лежит направление, под ним выписка, копии паспорта и снимки на тонкой пленке. Один лист из всей папки он перечитывает третий раз, хотя давно выучил его наизусть и знает каждую строку.

На листе стоит фамилия, номер, дата и строка, которую он не может перевести на человеческий язык. Там написано несколько слов подряд: техническое средство реабилитации, изделие, изготовление по индивидуальному заказу. Дальше коридор заканчивается, и начинается та часть пути, для которой у человека пока нет слов. Рядом на стене висит объявление о приеме, приклеенное скотчем по четырем углам, и углы уже отогнулись.

Дверь кабинета открывается ровно в девять, и из нее выходит первый человек с сегодняшнего приема. Внутри примеряют протезы, и снаружи слышно, как хлопают застежки и скрипит стул. Человек не знает, сколько времени займет разговор и о чем вообще спрашивают на первой примерке. Он приготовил три вопроса: сколько ждать, будет ли удобно и можно ли ходить в этой обуви.

Вопросы хорошие, но к ним он не придумал ни одного продолжения. Что делать, если предложенное устройство не подойдет к его культе и к его жизни, и с кем это обсуждать. Кто отвечает за ремонт, если крепление треснет через полгода. Вопросы закончатся примерно на второй минуте разговора, и дальше придется отвечать ему.

К девяти подходит еще один человек, и стульев на всех не хватает. Кто-то стоит у окна, кто-то читает в телефоне, и общего разговора между людьми нет. Каждый держит свои бумаги так, будто они единственные в мире. Тема у всех одна, а истории у каждого свои, и первым никто не решается начать.

Пока человек ждет, дверь открывается еще раз, и оттуда выносят гипсовый слепок на подставке. Слепок заворачивают в мягкую ткань и уносят в соседнюю комнату, где стоит станок. Человек провожает его взглядом и вдруг понимает, что протез начинается не с пластика и не с электроники. Он начинается с отпечатка его собственного тела, снятого в кабинете за закрытой дверью.

Из этого отпечатка сделают гильзу, ту самую оболочку, которая будет держать устройство на культе. От гильзы зависит, сколько человек сможет пройти без остановки и останется ли кожа целой к вечеру. Пока он об этом не думает, потому что в его вопросах нет ни слова про гильзу. Мастер подгонит ее по объему, а не по красоте, и решит больше, чем внешний вид.

Мне важно начать книгу с этого коридора, а не с ролика о бионической кисти. Сенсация продается легко, и ее показывают быстро, потому что она не требует объяснений. Коридор тянется медленно, и в нем решается больше, чем на сцене с аплодисментами. Между потребностью в протезе и реальным использованием устройства лежит путь, который почти никогда не обсуждают в новостях.

Сначала человека оценивают, смотрят на ткани, на функцию, на то, как он живет. Потом изготавливают гильзу, и она должна держаться на остаточной конечности весь день. Потом идут примерки, и их бывает больше одной за несколько месяцев. Потом начинается обучение, а за ним обслуживание, которое не заканчивается никогда и требует привычки. Параллельно движутся документы, и от них зависит, кто платит, когда выдадут и кто будет чинить.

Ни одна из этих сторон не видит путь целиком, и потому путь так часто кажется запутанным. Кто-то скажет, что это неудобство, от которого легко избавиться, если собрать все в одном кабинете. На деле кабинеты разделены законами и очередями, и человеку приходится быть связующим звеном между ними.

Врач смотрит на заживление, мастер на посадку, сотрудник фонда на бумаги, и каждый говорит о своем деле. Сам человек оказывается единственным, кто видит все куски сразу. Поэтому именно ему приходится задавать вопросы, которые никто за него не задаст, и это не его вина, а устройство всей системы.

Здесь для меня главное — сохранить то, что в таких историях повторяется, и убрать все, что позволяет узнать отдельного человека. Поэтому человек в коридоре не имеет ни имени, ни возраста, и это не осторожность, а условие разговора. Его лицо, одежда и город остаются за пределами текста, а на их место встает то, что узнает в этих историях каждый второй читатель.

Про людей можно говорить всерьез и без опознания, и книга держится этого правила до последней страницы. Все истории здесь собирательные, и я говорю об этом один раз, без долгих оговорок. Это касается и специалистов: их мнения тоже собирательные, и я не выдаю их за слова конкретного врача.

Все эти пути равны, и ни один из них не отменяет достоинства человека. Собирательность нужна мне и для другого, более важного дела: когда нет имени и адреса, читатель перестает искать знакомого. Он начинает узнавать себя или соседа по подъезду, и такая замена делает разговор честнее. Собственные истории людей я не выдумываю, а собираю из того, что повторяется у многих.

Через сорок минут из той же двери выходит второй человек, и он ведет себя совсем иначе. Мужчина в куртке несет протез под мышкой, как несут сверток с инструментом, и на его лице нет ни радости, ни разочарования. Он кивает сидящим, проверяет телефон, убирает его в карман и идет к выходу спокойным, уверенным шагом.

Женщина в пальто стоит в дверях дольше, чем нужно, оглядывается на кабинет и что-то говорит сопровождающему. Она не прячет лицо, и по нему видно, что разговор был долгим и не самым легким. Потом она поправляет шарф, проверяет, не забыла ли снимки, и делает шаг к выходу.

Она достает телефон, долго смотрит в экран, не набирая номера, и снова убирает его в карман. Потом она убирает бумаги в сумку и уходит из коридора, так и не надев устройство. Спустя еще двадцать минут в коридор выходит третий, и его появление замечают все, кто ждет. Подросток в наушниках несет плоскую коробку и прижимает ее к груди, будто боится уронить. Все трое прошли через одну дверь в один и тот же день, и все трое получили совершенно разный результат.

Время в этом коридоре идет неровно, и человек замечает это по мелочам вокруг себя. Между выходом второго и третьего проходит двадцать минут, и за них он успевает перебрать вопросы еще раз. Он видит, что стул под ним скрипит, что на окне пыль, что за стеклом кто-то курит. Эти мелочи держат его на месте, пока ждать еще можно и пока страх не перешел в усталость.

Первому из них устройство подошло сразу, и это заметно по тому, как он несет его к выходу. Такое бывает чаще, чем кажется по книгам, и это не чудо и не заслуга. Гильза села по форме конечности, крепления легли привычно, и на первых шагах человек не почувствовал боли от посадки. Ему повезло с совпадением, но совпадение еще нужно удержать, а это отдельная ежедневная работа.

Устройство, которое село в кабинете, придется проверять на улице, на лестнице и в автобусе, где не спрашивают, удобно ли ему. Первая удача облегчает начало, но не отменяет последующих шагов, которые ждут его за дверью кабинета. Лицо у первого было обычным потому, что настоящая проверка еще не наступила и все неприятное у него впереди.

Женщина в пальто уехала домой думать, и ее лицо в дверях было лицом человека, который еще не решил. Ей показали пробный вариант, и она не решилась надеть его на улицу. Возможно, ей нужно было обсудить цену с семьей или разобраться, кто оплатит замену через

год. Возможно, она не была готова к тому, что первая примерка окажется не финалом, а черновиком.

Ее уход из коридора был не отказом от помощи, а паузой, за которую она успела прочитать договор и задать себе неудобные вопросы. Такая пауза стоит дорого, потому что откладывает облегчение на неопределенное время. Иногда она единственный способ не подписать лишнее и не согласиться на первое предложение из вежливости.

Человек имеет право не торопиться и не подписывать то, в чем он не уверен. Некоторым нужна неделя, чтобы понять, о чем они на самом деле спрашивают и что готовы услышать в ответ. Самый честный ответ на предложение начать прямо сейчас звучит как просьба подождать, и это нормальный ответ взрослого человека.

Подросток в наушниках ушел без устройства, и это не значит, что дверь для него закрылась. На примерке выяснилось, что предложенный вариант не подходит под его задачу или что нужно другое крепление, которое не привезли. Может быть, он приехал за одним, а ему показали совсем иное, и разговор оборвался на середине. Такое случается не от злой воли, а оттого, что устройство делают под конкретную жизнь.

Человеку в коридоре кажется, что уходящий без устройства человек потерпел неудачу. Потом он слышит, как женщина в пальто говорит сопровождающему: «Я не буду надевать то, что мне не подошло, даже если это единственное, что есть сегодня». Человек в коридоре впервые понимает, что отказ бывает частью разговора, а не его концом.

Человек уходит с пустыми руками и с датой следующего визита, и это не провал системы. Устройство делают под конкретную конечность и конкретную жизнь, и совпадение ищут, а не угадывают с первого раза. Протез не выдают из ящика на складе, как таблетку, и потому не каждая примерка заканчивается выдачей.

Не каждый визит заканчивается устройством, зато каждый заканчивается новой и полезной информацией. Человек узнает, какой вариант подходит, чего не хватает и когда ждать следующего раза. Тот, кто уходит без протеза, уходит не с пустыми руками, а с уточненным планом и с пониманием, чего просить в следующий раз. Это знание стоит почти столько же, сколько само устройство, потому что экономит месяцы поиска вслепую.

Разные результаты в одном коридоре стоит держать в голове, когда читаешь заголовки о прорывах. Заголовок обещает общий успех, а коридор показывает частные случаи, которые не складываются в одну картину. Книга говорит именно о частных случаях, потому что общий успех никто не может гарантировать. Три лица из одного коридора показывают главное: у книги нет одного героя и нет одного правильного финала.

Одному подошло с первого раза, другой взял паузу, третий получил отказ и новую дату. Никто из них не проиграл и не победил, потому что результат примерки измеряется не в кабинете, а в жизни за его дверью. Вот почему этот коридор удобен как отправная точка для долгого разговора. Здесь видно, что путь не линейный и что он не одинаков для всех, кто в нем сидит.

У каждого свои документы, свои сроки, свои вопросы и своя мера готовности. Одному нужно устройство, чтобы вернуться на работу, и это решает почти все. Другому оно нужно, чтобы дойти до магазина и не думать на каждой лестнице о ступеньках. Третьему оно нужно, чтобы не выделяться в толпе, и это тоже законная причина, которая не требует оправданий.

Протез не обязан быть целью, он может быть инструментом, и инструмент выбирают под задачу. Задача у каждого своя, и никто, кроме самого человека, не знает ее точнее. Спрашивать человека, зачем ему протез, полезно, но ответ может меняться от месяца к месяцу. Сначала это возвращение на работу, потом поездка к родным, потом возможность пройти по улице.

Есть и четвертый случай, который в этом коридоре не увидишь. Человек может прийти к выводу, что устройство ему не нужно вовсе, и это решение тоже законно. Тогда путь заканчивается раньше первой примерки, и в книге он займет свое место рядом с остальными. Такой выбор обсуждают редко, зато встречается он в жизни гораздо чаще, чем принято думать.

В этой книге я хочу пройти по всему пути, который начинается у этой двери. Мы разберем, как человек приходит к мысли о протезе и почему причины так различаются. Поговорим о людях по другую сторону стола, у которых разные задачи и разные границы ответственности. Заглянем в мастерскую, где решают вопросы, которые не видны на видеороликах: масса, прочность, слякоть, ремонт, дорога.

В мастерской разговор идет о вещах, которых нет в презентациях: сколько весит узел, как поведет себя крепление в дождь. Там же выясняется, что делать, если треснула деталь за день до поездки, и что ремонт бывает быстрее замены. Это меняет отношение человека к устройству и делает его спокойнее на лестнице и в подъезде.

Разберем, почему гильза важнее внешнего вида и почему первая примерка не закрывает тему. Отдельно пройдем по первому году с его повторными визитами и по обычной жизни. Настоящая проверка происходит не в кабинете, а в автобусе, в дождь и в подъезде без лифта, и об этом будет отдельный разговор.

Я хочу поговорить о том, как устроено обучение и почему первые шаги не похожи на прогулку. Ходьба на протезе требует привычки и внимания, и этому учатся, а не надевают устройство и идут с первого раза. Потом будет разговор о том, как не потеряться в бумагах и не отчаяться в очереди. И наконец разберем российский маршрут документов, потому что без него разговор о технике остается неполным.

Здесь я хочу отделить эффектные обещания технологии от ежедневных задач, которые она создает человеку. Протез часто показывают в момент, когда он делает что-то впечатляющее, и это честный, но короткий кадр. Остальное время устройство лежит на стуле или стоит в углу, пока человек моет чашку. Работает оно или нет, выясняется в такие минуты, а не на сцене с аплодисментами.

Я хочу, чтобы после этой книги человек знал, какие вопросы задать на первой примерке и кому их задавать. Не рецепт и не обещание результата, а карту с отметками, где он может свернуть, подождать или развернуться. Протез не обязателен никому, и книга не будет его навязывать человеку, который выбрал иначе.

Она поможет человеку прийти на прием с вопросами, которые он сам считает важными, и не согласиться на первое предложение из вежливости. В этих источниках нет единого ответа на вопрос, какой протез лучше, и я не буду его изобретать. В них встречаются разные мнения, и я не стану сводить их к одному. Где-то специалисты расходятся между собой, и это честнее показать, чем спрятать под общую формулировку.

Поэтому я не обещаю читателю готового ответа на вопрос, какой протез ему нужен. Я обещаю показать, из чего складывается этот ответ и какие люди участвуют в его поиске. Дальше человек идет сам, и это правильное устройство книги о выборе, который никому нельзя сделать за другого. Я постараюсь показать, как люди и специалисты приходят к своим ответам.

Человек в коридоре наконец слышит свою фамилию и поднимается. Папка выскальзывает у него из рук, и листы бумаги разлетаются по серому линолеуму. Он собирает их по одному, сверяет порядок и наконец входит в кабинет. Он думает о том, что скажет первым, и от этой мысли у него сохнут губы, но он все равно переступает порог.

В руке у него по-прежнему три вопроса, но теперь он знает, что разговор начнется не с них. Сначала его спросят, что он хочет делать в первую очередь и что важнее всего остального. Он не готов к длинному разговору, зато готов слушать и задавать свои вопросы в правильном порядке. Дверь за ним закрывается, и в коридоре снова становится совсем тихо.

Часть первая. Человек, а не диагноз
Когда разговор начинается не с протеза

В четверть двенадцатого у лифта в травматологическом корпусе стоит человек с костылем и ждет, пока освободится кабина. Костюм на нем мятый, рубашка застегнута не на ту пуговицу, и он это чувствует, но перестегивать при людях не станет. В лифте едут трое, и никто не смотрит на костыль дольше секунды. Двери закрываются, и человек думает о том, что в этом здании он теперь свой.

Еще месяц назад он проходил мимо этого корпуса и не подозревал, что здесь есть такие кабинеты. До ампутации у него была работа, машина и привычка выходить из дома в одно и то же время. Потом случилась авария на мокром шоссе, и все, что было простым, стало требовать объяснений и усилий. В выписке теперь стоит сухая строка про травму и ампутацию.

В папке лежат снимки, в телефоне висят неотвеченные сообщения от коллег, а слово «протез» он пока не произносит вслух. Он не уверен, что это слово вообще относится к нему, и от этой неуверенности молчит даже дома. Разговор о протезе начинается не в тот день, когда человек впервые слышит это слово. Он начинается раньше, в коридоре или в очереди.

В очереди рядом оказывается кто-то, кто уже прошел этот путь, и человек получает первые советы. Они звучат уверенно и противоречат друг другу настолько, что он теряется и не знает, кому теперь верить. Каждый советчик говорит от себя и о себе, и в этом главная причина расхождения. Советы приходят без приглашения и без всякого расписания, где угодно.

Их дают на лестнице, в переписке, в очереди за таблетками, в курилке у ворот больницы. Никто из советчиков не спрашивает, сколько человеку лет, чем он занимается и в каком он состоянии. Все говорят о главном и все уверены, что говорят именно про него, хотя на самом деле говорят про себя.

Мне важно разобрать здесь этот момент, потому что от него зависит почти весь дальнейший путь. Человек, который принял громкий совет за истину, часто тратит на это месяцы. Человек, который понял, что совет отражает чужой случай, сохраняет силы для собственного решения. Разница между ними видна уже на первой консультации.

Первый совет дает сосед по подъезду, который ловил его у двери с вопросами. Сосед ходит с палкой после перелома шейки бедра и уже полгода рассказывает всем желающим про свою реабилитацию. «Главное — начинать сразу, пока тело помнит, — говорит он, придерживая дверь подъезда. — Мне не дали лежать, и я через месяц уже выходил во двор».

Совет звучит бодро, и в нем есть свой резон, потому что соседу помогло именно раннее движение по двору. Он не выдумывает и не приукрашивает, а говорит о том, что помнит. А помнит он легкость, с которой встал, и совсем не помнит, сколько раз за это время пришлось присесть на скамейку у подъезда.

Второй совет звучит по телефону, от коллеги, который вернулся на работу после операции на позвоночнике. Он говорит медленно и без задора, потому что за плечами у него свои ошибки. «Не спеши, — говорит коллега, и голос у него уставший. — Меня погнали, я надорвался и полгода лечил спину. Пусть сначала заживет как следует, а потом нагружай».

Совет тоже звучит разумно, и в нем тоже есть правда, только это правда другого человека и другого тела. Коллега помнит, как его торопили, и не знает, как устроена чужая спина. Его осторожность выросла из его собственной боли, и потому звучит так весомо, и человек вешает трубку и долго смотрит на телефон.

Третий совет достается в очереди, где рядом садится знакомый, который когда-то носил протез руки после травмы. Он говорит негромко, но твердо, и его слова расходятся с первыми двумя настолько, что человек теряется. «Не слушай никого из них, — говорит он в очереди.

— Тебе с этим жить, а не им, и решение принимаешь ты. Мне говорили одно, а я сделал по-своему».

Совет звучит как поддержка, но в нем спрятан упрек тем двоим, которые советовали раньше. Человек сидит на скамейке и по очереди прокручивает три разговора: один совет велит торопиться, второй ждать, третий не слушать никого. Если принять их буквально, получается противоречие, из которого нет никакого выхода.

И человек впервые задумывается, что дело не в том, кто из советчиков прав, а в том, что все они мерили по своему случаю. Сосед мерил по перелому, который срастается и возвращает ногу почти такой же, как прежде. Коллега мерил по спине, где любая перегрузка отзывается болью, а осторожность была единственным спасением.

Знакомый мерил по руке, которая потеряла часть, но сохранила кисть, и по работе, где важна точность. У каждого был свой диагноз, свой срок и своя задача, и совет вырос именно из этого. Если сложить три истории вместе, получится не противоречие, а три разных маршрута по одной лестнице.

Перелом срастается быстро, спина восстанавливается медленно, а врожденное отличие требует иного счета времени. Совет, снятый с одного маршрута, на другом дает сбой, и это не вина советчика. Он просто не знал, что его маршрут далеко не единственный, и отсюда и расхождение советов, которое человек принимает за чью-то глупость.

Отсюда первое, что стоит понять про советы: они почти всегда верны для того, кто их дает. Сосед не выдумывал свою историю, коллега не преувеличивал свою боль, знакомый не хвастался своим решением. Каждый говорил о том, что видел сам, и потому его слова были точны именно в его собственном случае.

Совет становится опасным, когда его примеряют на другого человека без поправки на разницу между ними. Разница начинается с того, как именно человек пришел к потере конечности. Травма случается вдруг, и тело с привычками меняются за один день. Сосудистое заболевание развивается годами, и человек успевает привыкнуть к боли и к мысли о возможной потере.

Онкология приносит свою логику, где решение об ампутации принимают вместе с лечением, и это совсем другой разговор. Врожденное отличие конечности вообще не имеет даты, после которой стало иначе, потому что иначе не было никогда. От этого зависит все: сколько человек ждет, чему он радуется и что для него значит слово «протез».

При травме человек помнит свое прежнее тело во всех подробностях и сравнивает с ним каждое движение. Ему знакомы походка, привычный маршрут до остановки и то, как рука держала чашку. Память помогает, но и мешает: она задает планку, до которой дотянуться трудно. Из этого знания рождается либо задача, либо обида, и от того, что перевесит, зависит первая примерка. Обида требует сравнений, а задача требует вопросов.

Сосудистое заболевание дает человеку время на подготовку, но нисколько не облегчает саму задачу. Годы боли и лечения приучают к осторожности и к мысли, что конечность однажды придется отдать. После операции люди часто чувствуют и утрату, и странное облегчение, потому что боль, которая жила годами, уходит вместе с ногой.

Онкология ставит человека перед выбором, где ампутация может быть частью спасения, а не поражением. Разговор о протезе там идет рядом с разговором о лечении, и сроки определяет не желание человека, а ход болезни. Иногда устройство приходится откладывать, и это не слабость, а решение команды и самого человека.

Человек проходит лечение, а разговор о протезе откладывается до результатов обследования. В это время советы особенно мешают, потому что обещают сроки, которых никто не может назвать. Самый честный ответ звучит скучно: сначала лечение, потом устройство, и это не отказ, а порядок.

Врожденное отличие конечности не связано с потерей, и это важно понимать до всяких советов. Человек родился таким, каким родился, и привык к своему телу раньше, чем научился говорить. Протез для него может быть инструментом для одних задач и совсем не нужен для других. Ему не нужно горевать о том, чего в его жизни никогда не было.

Для ребенка с врожденным отличием протез может быть интересной игрой, а может быть обузой, которую навязывают взрослые. Решение меняется с возрастом, и то, что подходило в семь лет, часто не подходит в семнадцать. Родители и сам человек проходят этот путь вместе, и советы со стороны редко учитывают, как меняется их договоренность.

Отсюда второй поворот: разные пути не укладываются в одну шкалу, и это главное. Травма, болезнь, лечение и врожденное отличие дают разное время, разную готовность и разный смысл устройства. Человек с травмой торопится вернуться к прежней работе, а человек с врожденным отличием спокойно выбирает между протезом и коляской.

Ни один из этих вариантов не выше другого, и ни один из них не требует общего для всех сценария. Именно поэтому один и тот же вопрос «когда начинать» не имеет общего ответа. Для одного правильный момент наступит через три недели, для другого через полгода, а для третьего не наступит вовсе. Спешка и осторожность относятся просто к разным телам и разным болезням.

Советчики из коридора этого не учитывали, потому что просто не могли этого учесть. У каждого в голове был свой календарь, свои страхи и своя удача, и сосед хорошо помнил, как быстро встал, и не помнил, сколько раз за это время падал. Знакомый помнил свою решимость и не видел человека, который еще не решил.

Поэтому советы стоит слушать как рассказы о чужой жизни, а не как инструкции к действию. Из рассказа можно взять вопрос, который человек сам себе не задал, и это уже польза. Сосед подсказывает, что сроки имеют большое значение, а коллега, что поспешность дорого стоит. Знакомый подсказывает, что решение всегда принимает сам человек.

Все три подсказки полезны, если не превращать их в приказ и не спешить с выводами. За этим стоит третий поворот, который касается самих советчиков и их скрытых мотивов: люди дают советы из опыта, из желания помочь, из тревоги и из привычки говорить первыми. Сосед боится, что человек повторит его ошибки, и потому говорит громче, чем нужно.

Коллега боится, что чужой человек надорвется так же, как он, и потому говорит осторожнее всех. Знакомый говорит с обидой на тех, кто не слушал его самого, а настойчивый сосед просто хочет быть кому-то нужным. Все они ведут свой собственный разговор, а человек оказывается его случайным слушателем.

Никто из них не злой и не глупый, и это стоит помнить, когда хочется резко оборвать разговор. Каждый советчик пришел к своей правде через боль и через удачные и неудачные решения. Спорить с ними бесполезно, потому что они защищают не идею, а собственную прожитую историю. Полезнее спросить советчика, при каких условиях его совет действительно сработал.

Такой вопрос не обязывает соглашаться и не заставляет благодарить за непрошеные советы, и он позволяет не тратить силы на спор с человеком, который защищает свою биографию. Можно выслушать, взять из рассказа одну деталь и идти дальше, к тем, кто отвечает за конкретное решение. И тогда разговор меняется быстрее, чем от любого резкого возражения.

Человек в коридоре задает этот вопрос знакомому в очереди, и тот на секунду задумывается. «У меня рука была ниже локтя, и работа сидячая, — говорит он уже тише. — Тебе, наверное, это не подходит, у тебя другое». Признание стоит ему усилия, но разговор сразу становится спокойнее. Он впервые говорит не лозунгом, а обычными словами.

Человек впервые слышит не совет, а описание чужого случая, из которого можно взять что-то для себя. Совет становится по-настоящему полезным, когда у него появляется ясная и честная граница, и сосед говорит, что при переломе важно не лежать слишком долго. Коллега

говорит, что при спине важно никуда не спешить, и знакомый говорит, что при руке важно решать все самому.

Все три утверждения верны каждое в своем случае, и ни одно не заменяет разговор с врачом, который видит конкретную культю. Граница совета — это условие, при котором он работает и не приносит вреда. Отсюда практический ход, который человек уносит с собой из этого длинного коридора, и он простой и не требует особых знаний.

Он перестает спрашивать знакомых, что ему делать, и спрашивает, как было у них и что они считают главным. Вопрос меняется с «какой протез мне выбрать» на «при каких обстоятельствах это помогло вам». На второй вопрос люди отвечают охотнее, потому что он не требует от них чужих решений.

Такой поворот снимает напряжение сразу и у советчика, и у человека: советчику не нужно защищать свою правду, потому что никто на нее не посягает. Человеку не нужно соглашаться из вежливости, потому что он спрашивает о чужом опыте, а не о своей судьбе. Оба выходят из разговора без неприятного чувства, что кому-то уступили.

Сосед с палкой еще несколько раз останавливает его у двери, и каждый раз повторяет про раннее начало. Человек больше не спорит и не соглашается молча, а говорит: «У вас перелом, у меня другое, и я сначала спрошу у врача». Сосед сначала обижается на такую прямоту, потом кивает и уходит к себе, и разговор заканчивается без ссоры.

Коллега присылает длинное сообщение про свою реабилитацию и про то, что торопиться не надо. Человек читает его дважды и отвечает: «Спасибо, я понял, что мне нужно узнать у команды». Коллега отвечает смайликом и больше не возвращается к теме, и оба совета остаются при своих авторах.

Знакомый оказался самым полезным собеседником, потому что он единственный говорит о границе своего опыта. Он не обещает, что у человека получится так же, и не пугает тем, что будет хуже. Он говорит: «Мне это помогло, а тебе может не подойти, только не решай в спешке». Такой совет не отменяет самостоятельности и не пытается отнять ее у человека.

По дороге домой человек достает из кармана сложенный листок и записывает три вопроса, которые пойдут с ним к врачу. Первый вопрос про то, какие сроки реальны именно для его случая и его тела. Второй про то, что будет с культей через полгода и через год, и третий про то, кто и когда сможет оценить, подходит ли ему устройство.

Эти вопросы выросли из чужих советов, но отвечать на них будут не сосед и не коллега. Дома он кладет листок на стол рядом с выпиской и смотрит на оба документа сразу. В выписке стоит диагноз и дата, в листке три вопроса и ни одного ответа.

Он включает чайник, садится за стол и перечитывает свой листок еще раз, и на кухне горит одна лампа, и рядом с выпиской лежит ложка, которую он не убрал с обеда. Три вопроса еще не план, и никакого плана у него пока нет, и так выглядит обычное состояние человека, который только что узнал, что дальше все будет иначе.

На следующее утро он звонит в кабинет и просит записать его на консультацию. Секретарь спрашивает, по какому вопросу, и человек впервые произносит слово «протез» без запинки. Он говорит: «Я хочу понять, подходит ли мне это и с чего начать». В трубке слышно, как щелкает клавиша, и секретарь называет дату ближайшего приема.

Человек записывает ее на том же листке, рядом с тремя вопросами, и кладет трубку на стол. За окном уже светло, и в подъезде кто-то хлопает дверью, идя на работу, к которой он пока не вернулся. Он накрывает листок ладонью, чтобы не сдуло сквозняком, и идет ставить чайник.

Не вернуть прежнего себя

Восьмое марта в семье отмечали раньше всех, потому что тетка уезжала в командировку и все подстраивались под ее поезд. Женщина вышла из больницы в конце января, и родственник уже в первую неделю февраля начал считать дни до этого праздника. К восьмому она должна была пройти из кухни в комнату без ходунков, сама накрыть стол на восемь человек и встретить гостей у двери. Протез к тому времени стоял у стены в чехле и ждал, когда спадет отек. Она смотрела на него и не находила слов.

Родственник действовал не из злобы и не из равнодушия. Ему хотелось, чтобы дом вернулся к тому порядку, где у каждого было свое место за столом. Он искренне полагал, что порядок начинается с того же самого блюда, той же скатерти и той же позы. Разговор случился на кухне в четверг, когда он достал праздничную скатерть и полез за утюгом. Он стоял у стола и все повторял, что ничего страшного не случится.

Много лет этот четверг был днем, когда она отпрашивалась с работы на два часа раньше. Теперь в четверг у нее был визит в поликлинику, и она вернулась оттуда с бумажкой, где стояла дата следующего приема. Неделя как будто прошла без нее, и это было неприятнее, чем сама бумажка. Пакет с анализами она положила на подоконник и не развернула, потому что не хотела читать цифры, которые ничего не объясняют. Она тогда впервые подумала, что праздник вообще не ее, а семейный, и что от нее ждут не участия, а исполнения роли.

«Ты понимаешь, что я делаю это для тебя, — сказал он, ставя утюг на доску и поворачиваясь к ней. — Я не прошу невозможного. Восьмого марта мы сидим за этим столом, как всегда, и я хочу, чтобы ты сидела со всеми, а не в спальне с радио. Ты же слышала, что сказали в больнице: чем раньше начнешь, тем лучше. Скажи, что мне сделать, и я сделаю, только не молчи так, будто я тебя обидел».

Она молчала дольше, чем нужно было для ответа, и это молчание оказалось честнее любой фразы. «Как раньше» в его устах означало конкретную вещь: стол на восемь человек, она во главе с половником, гости в прихожей. В ее устах «как раньше» не существовало вовсе. Тело, которое умело все это делать, осталось в прошлом году, и никакая дата в календаре не могла его вернуть, сколько бы скатертей ни висело в шкафу.

Раньше она умела гладить не думая, и руки сами знали, где натянуть ткань. Теперь она понимала, что доска стоит слишком высоко, а руки заняты опорой. Любая такая мелочь превращалась в вопрос, который надо решать заново. Когда она представляла себе будущее, там не было ни одной картинки, которую можно повесить на стену и назвать целью. Были отдельные разрозненные вещи, и ни одна из них не складывалась в целую жизнь.

Здесь и начинается главная путаница, из-за которой первый год становится тяжелее, чем он есть на самом деле. Родственник говорит о восстановлении как о возврате к точке, из которой человек вышел. Врачи, документы и бытовые просьбы тоже часто звучат так, будто существует норма, к которой надо прийти и о которой потом можно доложить. Но восстановление после ампутации устроено иначе. Оно идет не по дороге назад, а в сторону, которую человек выбирает сам.

У этой стороны нет единственного правильного конца, потому что разные люди ценят разное: тишину, работу, скорость, возможность носить определенную обувь, право не объясняться. Если человек ждет возврата, каждое изменение тела он встречает как утрату. Если он ищет свою сторону, изменение становится материалом, с которым можно работать. Даже неудача тогда перестает быть окончательной и превращается просто в еще один день, за которым следует следующий.

Прежняя функция тоже не возвращается целиком, и это описание, а не приговор. Рука, которая держала ложку, не станет прежней рукой, даже если устройство будет очень хорошим,

и надеяться на обратное не стоит. Нога, которая несла вес по лестнице, теперь несет его иначе, с другой опорой и другим ритмом. Привычки, которые раньше были невидимы, теперь требуют внимания: как сесть, как встать, где поставить чашку, чем придержать дверь.

Рука с протезом в первые недели была тяжелее, чем ожидалось, и ремешок на левом запястье она застегивала здоровой рукой, приноравливаясь. Простая операция требовала внимания, и она делала ее медленно, как учат прописные буквы. Движение получалось неуверенным, но оно получалось, и это было уже другое дело. На стене в коридоре висели прошлогодние фотографии с того же стола, и она смотрела на них как на чужие.

Тело, о котором идет речь, не бывает неправильным. Оно не хуже и не лучше прежнего, оно просто другое, и с этим другим можно жить полноценно. Стоит только перестать сравнивать его с образцом, которого в природе не существует и который каждый родственник представляет себе по-своему. Сравнение с образцом изматывает сильнее, чем сама поправка, и ничего при этом не дает, кроме лишней усталости. Она не спорила с этой мыслью, потому что спорить было не с кем, но и не соглашалась до конца.

Самоощущение меняется следом, и тут нет прямого сценария, потому что человек может принять новое тело сразу, а может годами не принимать. Одна женщина говорит «я такая же, только с другой ногой», другая говорит «я не знаю, кто я теперь», и обе правы в своей точке. Внешний наблюдатель может видеть в первом случае здоровое принятие, а во втором затянувшийся кризис. Изнутри это делится иначе, и наблюдателю стоит помнить, что он видит только часть картины.

Иногда человеку нужно время, чтобы просто привыкнуть смотреть на себя в зеркало без удивления, и это время не тратится зря. Внешний вид имеет свою цену, о которой в разговорах молчат. Человек может подолгу выбирать, что надеть к приходу гостей и останется ли рукав на месте. Это не тщеславие, а способ держать себя в руках, и отнимать его из благих побуждений не стоит.

Родственник, который торопит, редко это понимает, потому что его собственный страх требует выхода. Ему страшно смотреть на изменившуюся жизнь близкого человека, и проще всего сделать из этого проект: поставить задачу, назначить дату, объявить результат. Такой проект успокаивает его самого и создает ощущение, что в доме хоть что-то под контролем. Проблема в том, что цену этого успокоения платит не он, а тот, кому эту дату назначили и к ней привязали.

Страх родственника был конкретным и от этого только сильнее. Он боялся, что если не подтолкнуть сейчас, то она так и останется в комнате с радио. Он боялся и за себя в этой комнате, где придется жить рядом с чужим несчастьем. Он не злой человек и не жестокий, и с посторонними говорит о ней с нежностью.

Просто его любовь требует действия, а действия в этой ситуации маленькие. Ему трудно принять, что главное, что он может сделать, это просто ждать рядом и не торопить. И еще одну ловушку расставляет себе сам человек. Если вокруг все время говорят о возвращении, он начинает мерить себя по чужой линейке и считать каждое отставание провалом.

Прошел месяц, а он еще не выходит во двор, и это выглядит как неудача, хотя тело за месяц просто успело немного измениться. Кто-то другой за тот же месяц уже ходит с тростью, и сравнение кажется доказательством его собственной слабости. Разные исходные условия, разная культя, разный вес и разные лестницы в доме делают такие сравнения бессмысленными. Еще одно сравнение приходит чаще других: с людьми из старых газетных заметок.

Там кто-то через год уже бегал по утрам. Такие заметки не врут напрямую, они просто не рассказывают, сколько времени ушло на каждый шаг и сколько шагов пришлось отложить. Сравнения работают и в другую сторону, когда человек смотрит на тех, кому легче. Это тупик того же рода, только повернутый иначе, и выход из него тот же самый, хотя добираться до него приходится своим ходом.

Перестать мерить чужой меркой то, что измеряется только изнутри. Здесь важно отделить две вещи, которые в разговорах родных постоянно слипаются. Желание человеку добра почти всегда подлинное, и это ценно само по себе. Право самому определять, что для него добро, принадлежит ему, а не тому, кто громче всех переживает, и не тому, кто громче всех страдает. Никто из родных не хотел зла, и от этого было еще труднее: обидеться по-настоящему было не на кого.

Родственник может приготовить обед, привезти продукты, посидеть рядом молча, вызвать такси до поликлиники. Он не может назначить за другого человека, что считать возвращением и к какому числу это возвращение должно состояться. Эта любовь требует осторожности, потому что может превратиться в опеку. А опека отнимает у человека то немногое, что он пока может делать сам.

Найти границу между заботой и присвоением чужих решений трудно, и эта граница сдвигается каждый день. «Я не хочу возвращаться, — сказала она наконец, и голос у нее был ровный, без вызова. — Восьмого марта я буду дома, но не за столом. Я хочу выйти на балкон и постоять там сама, без тебя и без ходунков, столько, сколько смогу. Вот это мой праздник. Скатерть убери, я ее не поглажу».

Родственник не сразу нашел, что ответить, и это было честно. Потом он все-таки убрал скатерть в шкаф, хотя рука на секунду задержалась на полке. Он спросил, не будет ли ей холодно на балконе, и она ответила, что накинет куртку. Гости в тот день пришли, но за стол сели в другом порядке, без прежнего главы с половником. А для нее это был сдвиг, с которого начинается свой счет времени.

За стол она в тот день все-таки села, но позже всех и на самый край, поближе к двери. Она понимала, что справляется с этим столом сама и что это ее собственный стол, и такого ощущения у нее не было уже несколько месяцев.

Родственник тоже не робот и имеет право на усталость, на раздражение и на слезы в ванной. Эта усталость не отменяет заботы, но иногда объясняет резкость и несправедливые слова, которые человек слышит чаще, чем заслуживает. Такую резкость не обязательно терпеть молча, о ней можно сказать, и это тоже часть первого года. Она слушала и молчала, потому что говорить об этом вслух было бы неблагодарностью, а неблагодарность в доме не любили.

Сцена на балконе, о которой обычно не рассказывают, важна своей малостью. Она стояла там две с половиной минуты, держась за перила одной рукой, потом замерзла и вернулась. Она не почувствовала ничего особенного. Ветер был холодный, перила ледяные, во дворе кто-то выбивал ковер, и слышно было, как хлопает дверь подъезда.

Просто две с половиной минуты своей жизни, которые она провела там, где решила провести. Через несколько минут она зашла обратно, и никто в комнате не обернулся. Ей понравилось, что никто не обернулся, потому что она и не хотела, чтобы это замечали. Именно такие мелкие события, выбранные человеком для себя, постепенно собирают новое самоощущение, которого невозможно добиться по чужому указанию.

Иногда этот сдвиг требует посторонней помощи, и просить ее не стыдно. Психолог или специалист по реабилитации может помочь разложить чужие ожидания и собственные желания так, чтобы человек перестал путать одно с другим. Такая помощь работает только тогда, когда человек сам согласен обсуждать свои цели, и никто его к этому разговору не принуждает.

Никто снаружи не может вложить в человека желание жить так, как этот человек жить не хочет. Бывает и другая возможность, которая часто кажется родным менее надежной. Группа, где собираются люди с похожим опытом и где можно услышать, как кто-то другой решал ту же задачу. Готовых ответов там не дают, зато человек обменивается опытом с теми, кто прошел через похожее.

Родственнику тоже нужна своя работа, и она начинается с простого вопроса, который можно задать в любой момент. Чего ты хочешь сейчас, а не чего от тебя ждут к такой-то дате.

Такой вопрос ничего не решает за человека, но он снимает с него обязанность постоянно защищаться и объясняться. Ответ может быть коротким и обидным, может быть «ничего не хочу, оставь меня в покое». Это тоже годный ответ, с которым можно жить дальше.

Задать такой вопрос труднее, чем достать скатерть и распорядиться чужой датой, потому что он требует услышать ответ, который может не понравиться. Бывает и так, что родственник пробует задать его один раз и слышит в ответ молчание. Тогда он больше не пробует, потому что молчание кажется ему отказом. Молчание часто означает только то, что человек еще не нашел слова, а не то, что разговор закончен. Он в тот вечер не задал ни одного вопроса, и она поняла, что это и было ответом на ее слова.

И еще одно: люди вокруг тоже устают, и их усталость имеет свою цену. Родственник, который полгода возил ее по кабинетам и покупал продукты, ждет благодарности и хочет увидеть результат своих усилий, и это понятное желание. Но результат не обязан выглядеть как возвращение к прежнему.

Прежний образ себя, который родственник так хочет вернуть, тоже был не вполне настоящим. Люди помнят себя отобранным: тот, кто всегда успевал, тот, кто никому не жаловался, тот, кто держал дом на себе. Этот образ удобен для общего разговора, но не описывает человека целиком, потому что у него были свои усталости и свои нелюбимые дела.

Отсюда следует неприятная для близких мысль, которую трудно принять без обиды. Некоторое время человек будет справляться хуже, и это не повод для паники. Он может откладывать звонки, забывать о встречах и целыми днями лежать с книгой, и все это не обязательно симптом. Отличать одно от другого должен специалист, а родственнику полезно помнить, что темп восстановления не измеряется его нетерпением.

Что можно сделать прямо сейчас, если в доме уже звучит фраза про возвращение в норму к празднику. Спросить человека, какой день он сам выбрал бы для первого выхода и что в этом дне для него важно, а потом отложить календарь в сторону и пойти вместе туда, куда он покажет. Не обязательно получится сразу, но сам вопрос уже меняет расклад.

Позже, весной, женщина сама достала праздничную скатерть и погладила ее, потому что у нее было настроение, а не потому что кто-то назначил день. Родственник в этот момент сидел рядом и ничего не говорил, что для него было заметным усилием. Она расстелила ткань на столе, разгладила складки ладонью и поставила на середину вазу. Потом попросила его принести из кладовки бокалы.

Он принес, поставил, отступил на шаг и спросил, ровно ли стоят. Она посмотрела на стол, поправила один бокал и сказала, что теперь ровно. Они простояли так несколько минут, глядя на пустые бокалы и на скатерть, которая лежала чуть косо. Родственник подошел и выровнял край, и никто из них не сказал, что теперь все по-прежнему.

Через неделю родственник позвонил и спросил, поедет ли человек на дачу в июне, как ездили всегда. Вопрос был обычный, и в нем не было ни упрека, ни требования, но человек почему-то долго молчал в трубку. Раньше он ответил бы сразу, потому что дача была частью лета, а теперь ему нужно было представить, как он проходит по двору, поднимается на крыльцо и садится на ту же скамейку, и это представление не складывалось с первого раза.

Родственник сказал, что можно приехать на два дня, не на все три, и что никто не потребует возиться с грядками. Он предлагал не поездку, а выход, и человек это понял позже, вечером, когда ставил чашку в шкаф. Выход выглядел скромно и не решал ничего, но он оставлял за человеком право вернуться домой раньше, если не пойдет.

Выбор без идеального ответа

Лист целей ты получила в кабинете в конце февраля, вместе с папкой, где лежали результаты обследования и памятка на двух страницах. В памятке было много слов про этапы и почти ничего про то, как выбирать между вариантами. Лист оказался простым: три графы, широкие строки и место на полях, куда можно дописывать. Специалист сказал, что заполнять его надо самому человеку, а не родственникам и не кому-то еще, кто лучше знает, что нужно. Ты положила лист на кухонный стол, рядом с чашкой и с ручкой, которая плохо писала.

Ты долго смотрела на пустые строки и вспоминала, как раньше составляла списки покупок и дел на неделю, где все было понятно и коротко. Теперь казалось сложнее, потому что за каждым пунктом стояло не дело на полчаса, а целая жизнь, и от этого рука не шла. Ты вышла из больницы в январе, и с тех пор все списки в доме составлял кто-то другой, потому что тебе было не до них. Первым делом ты вычеркнула из чужого списка строку про аптеку, потому что туда ты уже ходила сама.

Первые две строки ты заполнила быстро. Ходить до магазина и обратно, до автобусной остановки и до аптеки, без чужой руки и без остановки на полдороге. Это было очевидно и никого не удивляло, и специалист в кабинете про это спрашивал первым делом. Потом ручка замерла над третьей строкой, потому что писать туда ходьбу второй раз не имело смысла, а что писать вместо нее, ты не знала.

С этим у тебя были настоящие трудности, и ни о чем таком в кабинете не спрашивали. Ты вспомнила, как уронила на пол ключи и стояла над ними минуту, соображая, как быть: позвать кого-то из комнаты или сползать вниз самой. Третья строка вышла длинной и заняла две строки целиком. Ты перечитала ее и поняла, что это и есть то, что нужно. Наверное, потому она и оказалась первой, что подъем с пола был единственной вещью, о которой не говорили ни в одной памятке.

Четвертая строка была про кухню: наливать воду из чайника в чашку, не расплескивая, и потом ставить чайник обратно на плиту.

Пятая строка оказалась про руки, про мелкую работу с пуговицами и с тесемками, хотя ты не была уверена, что устройство поможет. Шестая была про поездку к сестре, до которой два часа на автобусе и еще полчаса пешком по улице без асфальта. Ты написала ее и зачеркнула, потом написала снова, потому что это была настоящая цель, а не удобная.

Зачеркивала ты не из сомнения: рядом с этой строкой сразу вставала другая мысль, о том, кто встретит тебя на автовокзале и станет ли он потом спрашивать, почему ты приехала так поздно. Эту мысль ты на лист не переносила, но именно она мешала писать ровно.

Седьмая строка осталась почти пустой: там стояло слово «работа», и рядом в скобках было написано «пока не знаю, как». Восьмая строка была короткой: «не объяснять каждому встречному, что со мной случилось». Над восьмой строкой ты сидела дольше всего, потому что это была не цель в том смысле, в каком о целях говорят в кабинетах.

Ты подчеркнула эту строку дважды и перешла к последней, где оставалось место только для одного слова. Вписала туда название города, куда хотела вернуться, хотя до возвращения было еще очень далеко и никто не обещал, что оно когда-нибудь случится. Лист получился неровным, с помарками и со стрелками на полях. Ты посмотрела на него как на чужую работу и удивилась, сколько всего в нем оказалось написано.

Специалист прочитал лист внимательно, до конца, и на минуту замолчал. Потом он сказал, что пункт про пол видит впервые и что это, пожалуй, самый честный пункт из всего списка. «Вам придется объяснить, зачем это нужно, — сказал он, откладывая лист в сторону. — Я не говорю, что это плохо, я говорю, что об этом придется спорить с теми, кто будет делать устройство и кто будет вас учить». Ты ответила, что готова спорить, и это была правда.

Спор оказался недолгим и совсем не страшным. Специалист предложил обсудить каждый пункт по отдельности и решить, какие из них требуют устройства, а какие можно закрыть иначе. Ты согласилась, потому что впервые за много недель разговор шел не про то, чего тебе не хватает, а про то, что ты сама хочешь получить.

Первым пунктом, который оказался не про протез, стал подъем с пола. Специалист сказал, что этому учат и без устройства, на тренировках и на обычных занятиях, и что протез тут скорее мешает, потому что меняет опору. Ты записала это на полях, рядом с третьей строкой, и почувствовала, как один из пунктов списка перестал быть тяжелым. Второй пункт, про мелкую работу с пуговицами, тоже можно было решать по-разному.

Когда речь дошла до поездки к сестре, разговор стал другим. Специалист сказал, что улица без асфальта и два часа в автобусе это отдельная история, и что для такой дороги устройство подходит не всякое. Ты спросила, что он имеет в виду, и он ответил, что на неровной земле важнее не красота и не количество функций, а устойчивость и возможность починить что-то на месте.

Это была первая техническая вещь, которую ты поняла за все время, и она же оказалась самой непривычной: до этого выбор казался сравнением того, что лучше, а тут речь шла о том, что переживет дорогу.

Потом ты спросила про отказ. Вопрос вышел неловким, и ты сама это слышала. «А если я вообще не стану это носить, — сказала ты. — Если я буду ходить с костылями или на коляске, потому что так быстрее и проще, это будет считаться, что я не старалась?»

Специалист посмотрел на тебя без осуждения и сказал, что это не его дело оценивать. Он сказал, что хорошее решение отличается от плохого не тем, что оно смелое, а тем, что человек понимает, от чего он отказывается и что получает взамен.

Ты ждала другого ответа, и не сразу поняла, чего именно. Наверное, ты ждала, что он начнет тебя уговаривать, потому что все вокруг уговаривали, и это было привычно. Он не стал уговаривать, и от этого стало почти неловко, будто ты пришла за спором и осталась без него. Ты записала его слова на обороте листа, хотя обычно не записывала ничего, и почерк вышел крупнее обычного. В тот вечер ты впервые за долгое время не спорила с собой до полуночи и уснула спокойно, а утром проснулась без привычного вопроса, правильно ли ты все делаешь.

Дома ты переписала лист начисто, потому что первый вариант был слишком сумбурным. Во втором варианте первым пунктом стоял подъем с пола, вторым шла поездка к сестре, третьим была кухня, а ходьба до магазина оказалась на четвертом месте. Ты посмотрела на этот порядок и поняла, что он честнее прежнего.

Родственница, которая зашла в гости в начале марта, увидела лист на столе и прочитала его, не спросив разрешения. Она сказала, что порядок неправильный и что ходьба должна стоять первой, потому что без ходьбы ничего другого не получится. Ты ответила, что ходьба стоит четвертой именно потому, что она уже получается, и что цель это не то, что уже сделано, а то, чего пока нет.

Ее слова задели тебя сильнее, чем ты ожидала, и это тоже было частью выбора. Она говорила не из злости, а из привычки, потому что всю жизнь слышала, что главное это двигаться, а все остальное приложится. Но ты уже понимала, что двигаться можно по-разному и что для тебя движение без возможности сесть на пол и встать с него остается неполным. Специалист в кабинете это понял, а родственница не обязана, потому что у нее нет твоего тела и твоих обстоятельств.

В апреле ты попробовала обойтись без устройства и провела так две недели. Ты ходила с костылями до аптеки и обратно, и это оказалось медленнее, чем ты думала, но вполне выполнимо, если не спешить. На автобусной остановке ты стояла дольше обычного, потому что костыли требовали ровной поверхности. Зато на кухне стало проще, потому что руки были свободны, и ты могла налить воду и поставить чайник.

На работе ты сказала об этом коротко, одной фразой, и не стала объяснять причину, как когда-то объясняла каждому встречному. Коллега переспросил, надолго ли, и ты ответила, что пока не знаешь, и он больше не спрашивал, потому что в ответе не было ничего, что требовало продолжения. Оказалось, что люди спокойнее принимают неопределенность, когда ее не пытаются оправдать, и что короткая правда оставляет место для обычного разговора о делах.

К концу второй недели ты поняла, что этот вариант тоже рабочий, и от этого стало легче дышать. Отказ от устройства не был поражением и не требовал объяснений, он был обычным выбором средства передвижения, которых у людей много. Кто-то ходит с тростью, кто-то на коляске, кто-то пользуется костылями. В кабинете об этом говорили мало, а на улице об этом вообще не говорили. Ты пришла к этому сама, и от самостоятельности вывода он казался прочнее любого совета.

Ты вернулась в мастерскую в конце апреля и сказала, что хочешь попробовать устройство, но не вместо костылей, а вместе с ними. Специалист кивнул и предложил начать с коротких расстояний, по десять минут в день, чтобы понять, как это сочетается с твоим телом. Ты согласилась, потому что впервые никто не требовал от тебя решить все сразу и навсегда. Лист с целями лежал в папке, и ты достала его, чтобы перечитать перед разговором, но читать не стала: порядок строк ты помнила наизусть, потому что выбрала его сама.

В мастерской выяснилось, что часть пунктов из списка требуют совсем другого, чем ты думала. Подъем с пола был не про устройство, а про технику и тренировку. Кухня была про равновесие и про то, как удобнее стоять у плиты. Поездка к сестре была про дорогу и про запас прочности, а не про внешний вид. Ты поняла, что в листе не было ни одного пункта, который закрывался бы одной покупкой. От этого стало странно легко, будто с тебя сняли чужое ожидание.

Специалист сказал, что это обычное дело и что почти все люди приходят с мыслью, что им нужна одна вещь, а уходят с пониманием, что нужен набор средств и немного терпения. Он не стал выбирать за тебя и не стал обещать, что устройство решит все. Он спросил только, какой из пунктов ты готова оставить на потом, и ты назвала поездку к сестре, потому что до нее было еще далеко.

Именно тогда ты впервые услышала словом то, что раньше только чувствовала: устройство это инструмент под задачу, а не оценка человека. Инструмент можно взять на час и вернуть на полку, можно носить с утра до вечера и ругать в конце дня, можно не брать вовсе. Ни в одном из этих случаев человек не становится хуже или лучше, он просто выбирает, чем ему удобнее работать в конкретный вторник.

Ты записала на полях, что отказ от устройства и отказ от поездки это разные вещи. Первый был выбором средства, второй был отсрочкой, и путать их не стоило. Отсрочка не отменяла цели и не делала ее менее важной, она просто переносила срок, и это было честнее, чем делать вид, что все уже решено. Ты поставила рядом с этой записью маленькую галочку и почувствовала, что список стал твоим, а не чужим. Чужая галочка не значила бы ничего, а своя грела, потому что за ней стояло согласие с собой.

В мае ты позвонила сестре и сказала, что приедешь не раньше осени, и это далось легче, чем ты думала. Сестра ответила, что будет ждать и что место в доме всегда найдется. «Ты только не привози с собой этот список, — сказала она. — Мне все равно, на чем ты приедешь и сколько раз будешь останавливаться по дороге. Мне важно, чтобы ты приехала и чтобы тебе было удобно». Ты положила трубку и долго сидела молча, а потом достала лист и рядом с поездкой написала слово «осень».

Летом ты ходила на тренировки дважды в неделю и училась подниматься с пола. Это оказалось не так страшно, как ты думала, хотя получалось не с первого раза и не со второго. Тренер показывал движения и не торопил, и это было непривычно после разговоров о датах и праздниках. Ты поняла, что здесь никто не ждет от тебя результата к определенному числу, и от

этого стало легче пробовать и ошибаться. Ошибка на тренировке не превращалась в событие, о котором потом говорят в коридоре.

Устройство ты носила не каждый день. Были дни, когда оно лежало в чехле у стены, и ты ходила с костылями, потому что так было проще и потому что ты устала. Никто не считал это предательством, кроме тебя самой, и с этим пришлось разбираться отдельно. Ты записала на листе, что средство передвижения не обязано быть единственным.

К осени список выглядел уже иначе, потому что часть пунктов перешла в разряд сделанных. Подъем с пола ты освоила, и он больше не требовал ни устройства, ни чужой руки. Кухня стала привычной, и чайник стоял на плите так же, как стоял всегда. Поездка к сестре оставалась единственным пунктом, до которого не дошли руки, и ты не спешила его закрывать, потому что теперь знала, что это можно сделать в своем темпе.

В октябре ты села переписывать лист в третий раз и обнаружила, что первым пунктом в нем стоит уже другое. Там было написано: научиться говорить нет, когда предлагают помощь, которая тебе не нужна, и не чувствовать себя виноватой за это. Ты подумала, что этот пункт, наверное, останется в списке надолго, но это было не страшно. Ты дописала внизу еще одну строку и поставила точку, хотя до конца списка было еще далеко.

Строка была про то, что устройство и костыли могут лежать рядом в прихожей, и это не означает, что ты не определилась. Ты перечитала все три листа, сложила их вместе и убрала в папку, к документам из поликлиники, и подумала, что через год эта папка станет просто папкой.

Ты убрала лист в папку и выключила свет на кухне, потому что было уже поздно и завтра предстоял обычный день. Ничего торжественного в этом не было, и от этого становилось спокойнее. Список лежал между страницами памятки, и это было самое надежное место, какое нашлось в доме.

Потом он спросил, что теперь первое, и ты ответила, что первое это поездка к сестре, и что теперь ты знаешь, с чего начать. Он кивнул и записал что-то в блокнот, не спрашивая разрешения, потому что это был его блокнот, а не твой лист. На улице было холодно и сухо, и ты шла до остановки пешком, без костылей и без устройства, просто так, потому что до остановки было двести метров и ты их прошла.

В мастерской об этом говорят коротко и без пафоса: решение можно менять, пока человек жив. Фраза звучит грубовато, но за ней стоит простая вещь: неудачный выбор не приговор, а точка на линии, от которой можно отойти в сторону. Люди, которые это знают, приходят на примерку спокойнее и говорят о неудобстве раньше, а не через полгода молчания.

Первый год и его сроки

Календарь висел на стене в кухне, между холодильником и шкафом с посудой, и в нем не было ни одного праздника. Кварталы были обведены кружками, а числа, на которые выпадали визиты, стояли подчеркнутые карандашом. Первого марта был осмотр, двадцать третьего марта примерка, седьмого апреля повторная примерка, и так до конца года. Женщина обводила эти даты сама, потому что бумажки из поликлиники терялись, а календарь висел на виду у всех. Мужчина сначала смеялся над этим, потом привык, потом сам стал спрашивать, что значит та или иная пометка.

Карандаш был мягкий, и пометки расплывались от пальцев. Протезная мастерская стояла в двух остановках от дома, и дорога туда занимала почти час, если автобус ждать долго. Женщина записывала время выхода рядом с датой, чтобы не опаздывать и не стоять потом на улице. Мужчина в те месяцы возвращался с работы поздно, и они виделись в основном у календаря, когда он разогревал ужин. Разговоры выходили короткими, но по делу, и это было легче, чем разговоры о будущем.

В начале года она записывала все подряд, включая мелочи, и календарь был похож на дневник. К весне она перестала записывать то, что уже стало привычкой, и в клетках осталось только то, что требовало внимания. Мужчина однажды заметил, что записей стало меньше, и спросил, не стало ли ей хуже. Она ответила, что хуже не стало, просто записывать перестало быть нужным.

Первый год устроен так, что меняется все сразу и в разном темпе. Культя меняет объем, потому что отек уходит и мышцы перестраиваются под новую нагрузку, и то, что подходило в марте, к маю может оказаться тесным. Привычки меняются медленнее, потому что тело помнит старые движения и повторяет их даже тогда, когда они больше не работают. Работа меняется по своим правилам, а документы по третьим правилам, которые вообще ни от кого не зависят.

Все эти скорости не совпадают, и от этого возникает ощущение, что человек все время где-то опаздывает, хотя он не опаздывает никуда. Мужчина в первое время тоже так думал и все время прикидывал, когда она вернется к прежнему ритму. В марте он говорил про месяц, в мае про полгода, а к лету перестал называть числа и стал просто спрашивать, как прошел день. Иногда она отвечала одним словом, и он не обижался, потому что уже понял, что одно слово это тоже ответ.

Свою скорость имели бумаги, и она почти не зависела от тела. Одни документы оформлялись за две недели, другие ждали месяц, третьи пришлось переделывать из-за потерянной справки, и эта переделка отняла у нее три поездки и один рабочий день. Про эти сроки она не говорила вслух почти никогда, но именно они определяли, в каком месяце ей выдадут что-то новое, а в каком придется довольствоваться старым.

Отдельно шла привычка, о которой в кабинетах не говорят. Женщина долго не могла перестать прикидывать расстояния по-старому, и любая дорога казалась ей короче, чем была на самом деле. Она выходила в магазин, рассчитывая на пятнадцать минут, и возвращалась через сорок, злая на себя и на весь мир. Мужчина сначала подшучивал, а потом понял, что ей каждый раз приходится заново пересчитывать то, что раньше считалось само собой.

Пометки у женщины были трех видов, и мужчина постепенно научился их различать. Кружком она обводила визиты в мастерскую, крестиком отмечала дни, когда что-то болело или натирало, а галочкой те дни, когда ей удавалось сделать что-то, чего неделю назад она не могла. К марту в календаре стало больше крестиков, чем галочек, и это ее угнетало, хотя она понимала, что так бывает почти у всех. Мужчина однажды сказал, что галочек тоже много, и она ответила, что ему легко считать чужие галочки.

Она тогда сказала ему, что не хочет, чтобы он подбадривал ее при каждом шаге, и он пообещал, что не будет. Обещание он держал не всегда, но старался, и она это видела. Она просила немного: чтобы он не спрашивал про сроки и чтобы по утрам не включал радио слишком громко.

Он тогда обиделся и долго молчал, а потом понял, что она права. С тех пор он больше не считал ни галочек, ни крестиков и смотрел только на то, что просила сама женщина.

Про радио она сказала потом, в другой раз, и это оказалось важнее всех разговоров про сроки. По утрам дом был особенно тихим, и любая громкая новость из приемника рушила этот покой, который она берегла. Мужчина стал включать его только на кухне и только на низкой громкости, и в этом не было ничего героического, просто внимание к чужой привычке.

В марте на первой примерке выяснилось, что гильза сидит не так, как надо, и что нужно подождать, пока отек спадет сильнее. Женщина расстроилась, потому что ждала этого дня две недели и готовилась к нему, как к празднику. Мастер сказал, что торопиться некуда и что лучше подождать месяц, чем потом переделывать все заново. Мужчина в тот вечер за ужином сказал, что это ерунда и что месяц пролетит незаметно. Женщина ответила, что для него пролетит, а для нее будет тянуться.

«Ты не понимаешь, — сказала она, отодвигая тарелку. — Я считала эти дни, я знала, что будет седьмого апреля, я на это настраивалась. А теперь мне говорят, что надо ждать еще месяц, и это не ерунда. Я сидела дома и ждала, и вот этот месяц у меня забрали». Мужчина не нашелся, что ответить, и это было правильно. Он не мог вернуть ей этот месяц и не мог объяснить, почему он так устроен.

Он только убрал со стола тарелки и поставил чайник, и в этом было больше участия, чем в любых словах. Женщина в тот вечер долго сидела у календаря и смотрела на дату седьмого апреля, которая осталась на месте, но теперь значила совсем другое. Она не стала ее стирать, потому что стирать было еще обиднее. Мужчина в это время мыл посуду и старался не шуметь, и они не разговаривали до самого сна. Утром он первым делом посмотрел на календарь и увидел, что рядом с апрельской датой появился маленький крестик.

В апреле она вернулась в мастерскую, и на этот раз гильза села лучше. Мастер сказал, что теперь можно начинать ходить, но недолго и не по лестнице. Женщина кивнула и записала это в календарь, хотя слова про недолго и не по лестнице ее не обрадовали. Мужчина в тот день пришел за ней, чтобы проводить до дома, и ждал в коридоре, пока она выйдет. Они пошли пешком, очень медленно, и он все время шел на полшага позади.

Дома она села на стул в прихожей и долго не снимала устройство. Мужчина спросил, все ли в порядке, и она ответила, что не знает. Тогда он сел рядом на пол, прямо на коврик, и стал ждать вместе с ней. Через десять минут она сказала, что, наверное, все в порядке, и это была первая фраза за весь день, которая звучала спокойно.

Он тогда ничего не ответил и не стал расспрашивать, потому что понимал, что сейчас они только испортят этот момент. В тот вечер они ужинали поздно и почти молча, но молчание было не тяжелым, а просто уставшим.

К маю культя изменилась настолько, что понадобилась новая гильза. Об этом женщина узнала не от мастера, а по собственным ощущениям, потому что устройство стало натирать в одном месте. Она сказала об этом на приеме, и мастер согласился, что надо переделать. Женщина в тот раз уже не расстроилась так сильно, потому что поняла, что переделка это часть процесса, а не наказание за что-то.

Работа менялась по-своему. Женщина не вернулась на прежнее место, потому что там была лестница без лифта и узкая дверь. Она нашла другое место, ближе к дому, где можно было работать сидя и где никто не задавал лишних вопросов. Это было меньше денег и меньше перспектив, и она говорила об этом спокойно, как о выборе, который стоит своих потерь. Муж-

чина в первое время не понимал, зачем менять хорошую работу на такую, но потом перестал спорить.

Она сказала, что дело не в деньгах и не в том, что ей стало тяжелее работать. Дело было в лестнице, которую нельзя было обойти и по которой приходилось подниматься каждый день перед началом смены. Мужчина тогда впервые задумался о том, как много в городе мест, куда человеку с устройством просто не попасть.

Документы шли своим чередом и отнимали больше времени, чем все остальное вместе. Направление, освидетельствование, программа реабилитации, обеспечение средством, ремонт и замена, и на каждом шаге надо было что-то подписывать и куда-то ездить. Женщина складывала все бумаги в одну папку и записывала в календарь даты и то, что надо взять с собой. Мужчина возил ее по инстанциям и ждал в коридорах, и в этих очередях они перезнакомились с людьми, у которых были похожие вопросы и похожие папки с бумагами.

Она говорила об этом без раздражения, скорее с интересом, как о чем-то, что ей удалось понять про себя. Мужчина слушал и понимал, что за эти месяцы она узнала свое тело подробнее, чем знала его за всю прежнюю жизнь. От этого знания не было радости, но было спокойствие, которого он раньше в ней не видел. Такое спокойствие не приходит по расписанию и не выдается вместе с устройством.

Один раз в коридоре женщина разговорилась с мужчиной на костылях, который ждал своей очереди уже второй час. Он сказал, что подает документы на замену устройства третий раз и что каждый раз ему кажется, будто он начинает все с начала. «Бумаги это ерунда, — сказал он, поправляя костыль. — Главное, чтобы вам подошло то, что дадут. У меня в прошлый раз дали такое, что я дома не смог надеть, и пришлось все начинать заново. Вот этого я и боюсь больше всего, а не очередей».

Женщина потом часто вспоминала эти слова. Он перестал говорить про ерунду и стал спрашивать, что нужно взять и куда ехать, и от этого в доме стало тише.

Он сказал об этом вслух, и она ответила, что знает это лучше него.

К июню она уже ходила по квартире без костылей, но на улицу выходила с ними, потому что тротуар был неровный и она боялась упасть. Мужчина предлагал ей держаться за его руку, и она иногда соглашалась, а иногда отказывалась. Отказ был не капризом, а желанием проверить, как она справляется сама, и он это постепенно понял. В календаре появились новые пометки, уже не про визиты, а про то, сколько она прошла и как себя чувствовала после прогулки.

Лето прошло в повторных примерках и в мелких переделках, и к августу она уже знала всех в мастерской по именам. Гильза менялась еще раз, потом еще, и каждый раз это было связано с тем, что культя уменьшалась или менялась форма. Мастер говорил, что так бывает почти у всех и что это не повод для тревоги. Женщина слушала и записывала, и постепенно перестала воспринимать каждую переделку как личное поражение. Мужчина в это время носил коробки с чехлами и стоял в стороне, потому что в мастерской он ничего не понимал и не хотел мешать.

Это была обычная арифметика первого года, в которой тело и устройство все время догоняли друг друга. Никто из них не мог ускорить этот процесс, и никто не был в нем виноват. Мужчина в это время перестал ждать возвращения к прежнему и начал замечать мелочи: как она держит чашку, как поворачивается на стуле, как завязывает шнурок. Раньше он всего этого не видел.

К осени календарь стал выглядеть иначе. Половина дат была уже отработана и зачеркнута, а новые стояли в будущем, и их было меньше, чем в начале. Женщина сняла старый лист и повесила новый, и мужчина помог ей приклеить его ровно. Они стояли вдвоем перед чистой сеткой и молчали, потому что не знали, что в нее впишут. Потом она взяла карандаш и поставила первую дату, и это была поездка к сестре, до которой два часа на автобусе.

Мужчина тогда впервые понял, что сроки, которых он ждал, и сроки, которых ждала она, никогда не совпадали и не могли совпасть. Он ждал, когда она вернется к прежнему расписанию, а она ждала, когда сможет ездить туда, куда хочет. Эти два ожидания шли рядом и не пересекались, и от этого в доме было столько напряжения. Когда он это понял, стало легче, хотя ничего в жизни не изменилось и никто не стал здоровее.

Работа тоже вошла в новое русло, но не сразу и не так, как он себе представлял. На новом месте ей приходилось объяснять больше, чем на старом, потому что коллеги не знали ее истории. Она отвечала коротко и по делу, и постепенно вокруг нее образовался круг людей, которые просто здоровались и не задавали вопросов. Мужчина заметил, что она стала возвращаться домой иначе, не выжатая и злая, а просто уставшая, и это его обрадовало больше, чем все галочки в календаре.

Документы тем временем продолжали требовать внимания. Пришлось оформлять замену раньше, чем она рассчитывала, потому что гильза износилась быстрее, чем говорили в мастерской. Это тоже не было ничьей виной и не требовало поиска виноватых. Женщина просто отвезла бумаги и стала ждать, и в этот раз ожидание было спокойнее, потому что она уже знала, чего ждать и сколько примерно это займет.

К декабрю календарь был почти полон, и в нем оставалось мало места для новых пометок. Женщина сидела за столом и переписывала часть дат на будущий год, потому что некоторые визиты повторялись. Мужчина смотрел на это и понимал, что жизнь вокруг календаря стала обычной, хотя год назад казалось, что она никогда не станет обычной. Он вспомнил зиму, когда каждый день казался заданием, и подумал, что теперь дни просто идут один за другим. Ничего особенного не произошло, никто не победил обстоятельства, просто год прошел и оставил после себя бумажки и записи.

В конце декабря она сняла календарь со стены и положила его в ящик стола, к остальным бумагам. Новый лист она повесила на то же место, но пока ничего на нем не написала. Мужчина спросил, почему она не отмечает даты заранее, и она ответила, что сначала хочет посмотреть, какие из них вообще понадобятся. Это был не отказ от планов и не усталость, а спокойствие человека, который уже знает, как устроен год.

Она взяла карандаш и записала на первом месяце только одну дату, а остальное оставила пустым. Мужчина посмотрел на пустую сетку и сказал, что раньше ему было бы от этого не по себе. Она ответила, что и ей было бы, пока она считала, что год держится на предусмотрительности. И она повесила карандаш на веревочку, рядом с календарем, где он всегда висел, и пошла ставить чайник, потому что за окном уже темнело.

К концу года она перестала спрашивать, сколько еще ждать. Раньше этот вопрос был у нее первым, и любой ответ на него она сравнивала с чужой историей из интернета, где все вышло быстрее. Теперь она знала свои даты, свои визиты и свою скорость, и от этого год перестал быть ожиданием и стал обычной жизнью с записями в календаре.

Часть вторая. Те, кто создают и сопровождают Кто находится по другую сторону стола

В четверг без десяти одиннадцать в реабилитационном отделении за столом у окна собираются пятеро. Ты входишь последним и видишь, как они уже перекладывают бумаги: папка, распечатка с осмотра, лист с контурами конечности, чей-то блокнот с загнутым уголком. Никто не начинает разговор сразу, и ты решаешь тоже не начинать первым.

Кто-то ищет свободный стул, кто-то придвигает графин с водой и ставит его так, чтобы ты мог дотянуться без просьбы. Дверь приоткрыта, в коридоре стоит тележка с бинтами. Это мешает ровно настолько, чтобы понять: ты пришел в рабочее помещение, а не в парадный зал. Человек в пиджаке поверх халата выставляет на стол стаканчик и рядом кладет карандаш, будто ты пришел сюда что-то записывать.

Ты трогаешь карандаш пальцем и отодвигаешь его к центру стола. Ты садишься на крайний стул, ближе к двери, чтобы в любой момент можно было выйти и перевести дыхание. Время на часах над шкафом ты запомнил, потому что через двадцать минут тебе нужно позвонить на работу и предупредить, что задержишься.

Все пятеро смотрят на тебя с той внимательностью, которая бывает у людей, готовых работать, но еще не решивших, с чего начать. Ты кладешь руки на колени и говоришь себе не спешить, хотя ноги уже подмывает убрать под стул. Первым говорит человек в очках с толстой оправой, и ты поначалу не понимаешь, за что он отвечает.

Он спрашивает, как заживает культя, что показывают последние измерения, нет ли участков, которые болят при нажатии, и когда последний раз меняли повязку. Ответы он не записывает, только кивает и один раз просит повторить дату. Тебе кажется странным, что человек, которого ты пришел просить о протезе, обсуждает кожу и шов.

О разговоре речи нет. Зато он решает, готова ли культя к следующему шагу. Его зона ответственности заканчивается там, где начинается механическая работа, и это не ограниченность, а разделение. Ты ждал, что разговор начнется с устройства и с картинки в глянцевом каталоге, а он спрашивает, как ты спишь и не натирает ли где-то край повязки.

Кто-то сидящий листает распечатку и ставит на полях короткие галочки карандашом. По этим галочкам видно, что перед встречей они читали бумаги вместе и договорились, кто на что смотрит. В этом есть что-то успокаивающее, потому что никто не пришел с пустыми руками. Ты впервые замечаешь, что таблица на листе заполнена разными почерками, и это говорит больше, чем любые слова о команде.

Потом слово берет женщина, сидящая наискосок от тебя, и первой задает вопрос не о теле. Она задает вопросы про квартиру и про то, как ты добираешься до работы. Ты не сразу понимаешь, зачем это ей, ведь тебя позвали сюда говорить о теле. Она просит описать дорогу: сколько ступеней у крыльца и есть ли пандус.

Затем уточняет, где ты обычно останавливаешься передохнуть, и сколько раз за путь приходится переводить дыхание. Услышав про узкий поворот в подъезде, она перебивает и уточняет ширину. Этот вопрос будет важен позже, когда кто-то станет спорить о форме и размерах, и тогда ты вспомнишь, что его задали первым.

Заодно она спрашивает про этаж, про лифт и про то, доходишь ли ты до мусоропровода в конце коридора или обходишь его стороной. Ее интересует не то, как ты выглядишь на фотографии, а как проходит твой обычный вторник. Ты отвечаешь коротко и вдруг ловишь себя на том, что рассказываешь больше, чем собирался, включая историю про соседа, который держит дверь подъезда ногой.

Она записывает это в блокнот и не улыбается, будто речь идет о важной детали, которая может все изменить. Ты вдруг понимаешь, что сосед, который держит дверь ногой, тоже часть твоего будущего маршрута. Об этом никто не спросил бы, если бы ты сам не начал рассказывать. Она смотрит на тебя поверх блокнота и кивает.

Через несколько минут разговор распадается на несколько разговоров одновременно. Хирург уточняет сроки и смотрит в свои записи. Тот, кто будет изготавливать устройство, разворачивает на столе схему и говорит о жесткости рамы и о материале крепления. Человек в очках возражает, что давление на чувствительную зону нужно пересчитать, и между ними начинается спор, в котором ты не понимаешь ни одного слова.

Она перебивает обоих и напоминает, что ты сказал про лестницу у подъезда. Ты сидишь с чашкой воды и чувствуешь, как из разговора с одним врачом это превращается в совещание пяти людей. Хирург говорит, что через несколько лет может понадобиться новая культя, и это звучит как новость, к которой ты не готов.

Протезист-ортезист отвечает, что не все зависит от срока, и в ответ слышит, что сроки ему задает не он. Инженер поднимает голову от схемы и замечает, что переделка узла стоит времени и материала. Ты сидишь между ними и не понимаешь, кто из троих прав. Каждый говорит о своей части правды и не пытается покрыть остальные.

Чашка в твоих руках остыла, а разговор только набирает силу. Протезист-ортезист объясняет, что на первом этапе важнее надежность фиксации, чем внешний вид. Материал, который красиво смотрелся на фотографии, при ежедневной носке в слякоть может оказаться хуже. Об этом он говорит без всякого пафоса, как о простом и известном ему факте.

Тебе это кажется мелочью, пока он не уточняет, что при неправильной посадке любой шаг будет стоить усталости к обеду. Он говорит, сколько весит собранный узел, и просит тебя поднять со стола литровую банку, чтобы ты понял, о чем идет речь. Ты поднимаешь и держишь секунд десять, и он кивает так, будто ты только что прошел испытание.

Протезист-ортезист замечает, что это только часть веса, потому что к узлу добавятся крепление и обувь. Ты опускаешь банку на стол и вытираешь ладонь о брюки. Инженер, сидящий у торца стола, почти не участвует в разговоре, но дважды делает пометку. Наконец он произносит фразу, которая меняет ход обсуждения: «Надо понять, как он преодолевает лестницу, иначе мы обсуждаем не то устройство».

Хирург поднимает брови, протезист-ортезист задумывается, и на секунду за столом становится тихо. Ты впервые слышишь слово «лестница» в разговоре о том, что будет надето на ногу. Инженер не объясняет свою мысль и возвращается к пометкам, будто сказал очевидное. Хирург смотрит на него с легким раздражением и просит объяснить, потому что для него очевидного здесь нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.